

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**КАФЕДРА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

Выпускная квалификационная работа

обучающейся по направлению подготовки 45.05.01 Перевод и переводоведение
очной формы обучения,
группы 04001313
Буковцовой Юлии Александровны

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской
филологии и межкультурной
коммуникации
Шерстюкова Е.В.

Рецензент:
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
БУКЭП
Рослякова Е.Ф.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Политический дискурс и его особенности.....	5
1.1. Понятие дискурса. Политический дискурс и его особенности....	5
1.2. Коммуникативно-прагматическая специфика текстов политического дискурса.....	12
1.2.1. Коммуникативные стратегии и тактики политического дискурса.....	14
1.3. Особенности немецкого политического дискурса.....	17
Выводы по Главе I.....	21
Глава II. Особенности политического дискурса Ангелы Меркель	
2.1. Экстралингвистические особенности дискурса Ангелы Меркель.....	22
2.1.1 Общая характеристика особенностей политической коммуникации канцлера Меркель.....	22
2.1.2. Речевые стратегии и тактики.....	27
2.2. Лексико-стилистические особенности дискурса Ангелы Меркель.....	34
2.3. Анализ выступления Ангелы Меркель на 51-й Мюнхенской конференции по безопасности.....	43
Выводы по Главе II.....	48
Заключение.....	49
Список использованной литературы.....	51
Приложение 1.....	56

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях демократического устройства значимость политической коммуникации в обществе возрастает, так как политические вопросы открыто обсуждаются, и решение ряда проблем зависит от того, каким образом их будет освящать политик.

Проблемы политического дискурса активно обсуждаются как в научной, так и публицистической литературе. Политический дискурс обладает манипулятивной спецификой, которая выражается в оказании речевого воздействия на адресата с целью внести когнитивные изменения в его картину мира.

В представленной работе изучаются особенности политического дискурса одного из ключевых европейских лидеров – канцлера ФРГ Ангелы Меркель. При этом особое внимание уделяется как экстралингвистическим, так и лингвистическим факторам ее дискурса. В свете недавнего переизбрания госпожи Меркель на пост канцлера Германии успех ее политической коммуникации является неоспоримым и требует тщательного изучения.

Объект нашего исследования – речевая личность Ангелы Меркель, реализующаяся в ее выступлениях на международной арене и в Германии.

Предметом нашего исследования послужили средства достижения целей, представленных в политическом дискурсе, как совокупность экстралингвистических и лингвистических факторов дискурса.

Целью выпускной квалификационной работы стало определение роли различных лингвистических средств и сопутствующих экстралингвистических факторов, анализируемых в контексте общественно-политического дискурса, для реализации манипулятивного и персуазивного потенциала дискурса.

Двигаясь к достижению нашей цели, мы последовательно решали ряд ключевых **задач**, обусловленных предметом и объектом нашей

исследовательской работы:

- рассмотрение специфики политического дискурса с позиций современной лингвистической науки и его манипулятивного потенциала;
- анализ политических текстов с целью определения основных экстралингвистических факторов, присущих политическому дискурсу Ангелы Меркель;
- выявление преобладающих коммуникативных стратегий и тактик в политических текстах канцлера;
- классификация и анализ фактического материала для определения характерных лингвистических средств, используемых Ангелой Меркель;
- формулировка выводов относительно особенностей текстов политических речей и выступлений Ангелы Меркель и факторов, способствующих достижению целей дискурса

Труды отечественных и зарубежных лингвистов, специалистов в области дискурс-анализа и теории коммуникативных стратегий и тактик составили **теоретическую базу** нашей выпускной квалификационной работы.

Данная дипломная работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списков источников теоретического и фактического материала.

Результаты данного исследования могут применяться при написании дипломных и курсовых работ по лингвистике.

Апробацией результатов дипломного исследования стало выступление на студенческой конференции в НИУ «БелГУ» в апреле 2018 г.

Глава I. Политический дискурс и его особенности

1.1. Понятие дискурса. Политический дискурс и его особенности

Четкого и однозначного определения термина «дискурс», учитывающего все случаи его использования, учеными пока не разработано.

Понятие «дискурс» получило широкое распространение не только в языкознании, но и в других отраслях науки, это понятие отличается предельной неоднозначностью.

Как указывает Ю.С. Степанов, этот термин начал активно использоваться в начале 70-х годов, а его первоначальная трактовка была ближе к понятию «функциональный стиль», что было обусловлено спецификой национальных лингвистических школ. В англосаксонской традиции стилистика как отдельная область языкознания в то время еще не существовала. Поэтому изначально англосаксонские языковеды рассматривали «дискурс» как тексты с присущими им специфическими чертами. Значительно позже они пришли к выводу, что «дискурс – это не один лишь текст, но и определенная система, которая стоит за ним» (Степанов 1995: 36).

Таким образом, понимание дискурса вышло за рамки исключительно текста и стало принимать во внимание условия, который способствуют реализации текста. Данной интерпретации дискурса придерживался Т.А. Ван Дейк, давший ему следующее определение: «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» (Ван Дейк 1989: 46). Отличительной чертой данного подхода, является то, что при анализе текста включатся также социальный контекст. В своем определении Т.А. Ван Дейк подчеркивает фокусировку дискурса на событийном аспекте. Эти идеи стали развивать Ю.Н. Караулов и В.В. Петров. Они сформулировали следующее определение: дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (Караулов, Петров 1989: 8).

Подобного мнения по отношению к трактовке дискурса придерживается и А.Н. Баранов: «дискурс – это сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость речевого произведения от значительного количества экстралингвистических факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста» (Баранов 2001: 29).

Н.Д. Арутюнова дает следующее определение дискурса: «дискурс представляет собой связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» (Арутюнова 1990: 136-137).

В свою очередь В.И. Карасик определяет дискурс как «текст, погруженный в ситуацию реального общения» (Карасик 2002: 271). Ученый анализирует дискурс, основываясь на достижениях прагмалингвистики, психолингвистики, лингвостилистики, структурной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики.

Основываясь на представленных выше определениях, можно заключить, что текст представляет собой ядерный элемент дискурса и изучение дискурса так или иначе предполагает анализ текста (статика). При этом центральным элементом для понимания дискурса является понятие «речь», что свидетельствует о его динамическом характере. Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова в своем исследовании разграничивают термины «дискурс» и «текст», где первое является «когнитивным процессом, имеющим отношение к производству речи», а второе – «итоговым результатом процесса речевой деятельности (зафиксированной формой)» (Кубрякова, Александрова 1997: 19-20). Тем не менее, речь не идет о четком разделении этих двух понятий в отечественной и зарубежной лингвистике. Зачастую текст представляется как динамически развертывающийся. Судя по всему, на данный момент в языкознании процесс разделения объемов этих двух терминов еще не подошел

к концу, что и является причиной многообразия существующих подходов к их трактовке.

Из всего приведенного выше можно заключить, что дискурс является многомерным феноменом и включает, с одной стороны, сам текст как обособленный, вербализированный результат речи, а с другой – контекст его функционирования – ситуативный и культурный.

О.В. Эпштейн отмечает: «Дискурс интегрирует в себе и выражает уникальное стечение обстоятельств, которые способствовали его созданию и являлись его целью. Принимая во внимание данные факторы и обстоятельства, сопровождающие высказывания, а также при их объединении с определенными лингвистическими средствами выделяются определенные типы дискурса» (Эпштейн 2008: 151).

Он подчеркивает, что многие лингвисты классифицируют дискурсы по национальному признаку (английский, немецкий, итальянский и т.д.), а с другой стороны выделяют различные виды дискурса, такие как поэтический, научный, политический, экономический, дискурс СМИ.

При этом значительная часть ученых предпочитает классифицировать дискурсы без учета их национальной принадлежности. Они исследуют виды дискурса практической направленности, используемые в широко понимаемых идеологических, культурологических, исторических и коммуникативных ситуациях. Соответственно, «это виды дискурса могут быть изучены и разграничены с применением общей теории коммуникации: научный, политический, педагогический, критический, юридический, общий, частный и т.д.» (Эпштейн 2008: 151).

Современные обзоры и труды, в которых рассматривается сущность дискурса, предполагают две тенденции в определении онтологического статуса рассматриваемого феномена. Первая заключается в том, что дискурс трактуется учеными как некое объективно существующее явление действительности, при исследовании которого возможен только один способ наиболее точного его описания. В данном случае ученые сравнивают существующие интерпретации

и, указывая на их «логические несоответствия», предлагают свою, «наиболее верную» точку зрения. При альтернативном подходе разные определения дискурса считаются равновозможными, что не оказывает влияния на корреляцию индивидуального осмысления исследователем дискурса и специфики его работы. В подобном случае интерпретация дискурса соответствует задачам, материалам, исследовательским традициям и прочим конститутивным аспектам исследовательской деятельности.

Причины эволюции и изменчивости термина «дискурс» рассматриваются Е.С. Кубряковой в ее работе: «интуитивное апеллирование к новому термину было обусловлено не только модой и одним содержанием лексемы «дискурс», которой в литературном языке могли соответствовать и речь, и беседа, и разговоры, и лекции, и связное выражение мысли, и обсуждения с меняющейся тематикой. Оно было мотивировано необходимостью формирования такого концепта, который соединил бы имеющиеся разрозненные и смутные воззрения в единый гештальт» (Кубрякова 2004: 524). Различные подходы к дискурсу группируются по принципу фамильного сходства: исследователи акцентируют внимание на разнообразных особенностях условий возникновения дискурса с учетом исследовательских традиций, целей и задач работы.

В то же время нет необходимости прибегать к термину «дискурс» для выражения понятий, за которыми в лингвистике укрепились устойчивые дефиниции (Чудинов 2003: 18). Мы разделяем взгляды тех ученых, которые рассматривают дискурс как «комплексный коммуникативный феномен, в который наряду с текстом включены еще и экстралингвистические средства (фоновые знания, суждения, установки, цели адресата), необходимые для правильной интерпретации текста» (Караулов, Петров 1989: 8). Н.Д. Арутюнова также рассматривает дискурс как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» (Арутюнова 1990: 136–137). Как отмечает А.П. Чудинов, «преимущество такого подхода состоит в том, что дискурс не ограничен собственно текстом, а включает в себя и социальный

контекст общения, описывающий его участников и их знания о мире, а также процессы производства и восприятия речи» (Чудинов 2001: 196).

Типология видов дискурса по В.И. Карасику основывается на критерии ориентирования. Он подразделяет дискурс на два основных вида:

1) персональный (лично-ориентированный), цель которого заключается в отражении состоятельности внутреннего мира говорящего как личности;

2) институциональный (статусно-ориентированный), репрезентирующий говорящего в качестве представителя того или иного социального статуса (Карасик 2000: 5).

В современных областях научного знания политический дискурс является одним из самых актуальных и изучаемых видов институционального дискурса, однако прежде чем перейти к рассмотрению его специфики, представляется необходимым провести обзор основных современных подходов к трактовке самого понятия политического дискурса.

Приведем несколько высказываний лингвистов касательно интерпретации политического дискурса, под которым понимается «дискурс в политической сфере» (Базылев 1998: 7), «совокупность дискурсивных практик, обозначающих участников политического дискурса как таковых или способствующих формированию конкретной тематики политического общения» (Баранов 2001: 246); «совокупность речевых произведений в заданном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, в том числе негативных ее проявлений (уклонение от осуществления политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» (Герасименко 1998: 22).

Наряду с дефиницией «политический дискурс» применяются также понятия «общественно-политическая речь» (Юдина 2001), «агитационно-политическая речь» (Чудинов 2001), «политический язык» (Воробьева 2000).

В современной лингвистике наиболее всеобъемлющий анализ современного языка политической коммуникации предпринят в монографии

Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» (Шейгал 2000). Это исследование имеет общетеоретический характер, в нем рассматриваются ключевые дефиниции политической лингвистики, приводится общее описание политического языка и политического дискурса, изучены проблемы категоризации мира политики в знаках политического дискурса, проведен анализ некоторых политических жанров.

Е.И. Шейгал использует понятия политический дискурс и политическая коммуникация как равнозначные, а язык политики, по ее представлению, является структурированной суммой знаков, которые составляют семиотическое пространство политического дискурса. Из работы также можно прийти к заключению, что ее автор является сторонником широкой трактовки политического дискурса и относит к нему любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых так или иначе взаимодействуют с политической сферой. Такой подход к сфере охвата политического дискурса позволяет выявить его взаимодействие с различными видами институционального дискурса (рекламным, научным, педагогическим, юридическим, дискурсом СМИ, спортивным, военным), а также видами коммуникации, которые не относятся к институтам общества (художественный и бытовой дискурс). Отдельного упоминания в функционировании политического дискурса заслуживает роль дискурса СМИ, который на сегодняшний день представляет собой ключевой канал для ведения политической коммуникации, что свидетельствует об обоснованности выделения тенденции к слиянию политической коммуникации с дискурсом СМИ.

Автор полагает, что для языка политики характерна, прежде всего, смысловая неопределенность (политики зачастую высказывают свои воззрения обобщенно), фантомность (у существенного количества знаков политического языка нет реального денотата), фидеистичность (иррациональность, основанная на подсознательном), эзотеричность (истинный смысл значительной части

политических текстов доступно для понимания лишь небольшого круга лиц), дистанцированность и театральность.

Рассмотрение политического дискурса как предмета политологической филологии приведено в статье В.З. Демьянкова. Автор заключает, что для политического дискурса характерны, прежде всего, такие черты как «оценочность, агрессивность и эффективность» (Демьянков 2002: 37).

Социальная цель политического дискурса заключается в том, чтобы укоренить в сознании реципиентов – граждан общества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иными словами, основная цель политического дискурса – не объяснение (то есть, не референция), а убеждение, основанное на воззвании в сознании адресата к нужным интенциям, имеющее целью создание основы для убеждения и способствования действиям. Следовательно, оценка эффективности политического дискурса может быть проведена в соответствии с этой целью.

Согласно В.З. Демьянкову, политический текст (за некоторыми исключениями) оперирует символами, а результативность того или иного текста зависит от того, в какой мере эти символы «соответствуют массовому сознанию: политик должен уметь воздействовать на нужную струну в этом сознании; его высказывания должны находить свое место во «вселенной» мнений и оценок (то есть, во всей совокупности внутренних миров) его реципиентов, «потребителей» политического дискурса» (Демьянков 2002: 40).

Любой дискурс, не только политический, изначально ориентированный на внушение, оказывает влияние на систему воззрений потенциального реципиента с целью изменения интенций, взглядов и мотивации действий целевой аудитории.

Для корректного осмысления политического дискурса необходимо знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытой мотивации, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, актуальных в ту или иную эпоху.

Таким образом, изучая политический дискурс в его единстве, нельзя ограничиваться исключительно лингвистическими аспектами, иначе его сущность и цели останутся раскрытыми не до конца.

Исходя из этого, структура политического дискурса должна включать все существующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) элементы, влияющие на процессы речепроизводства и восприятия речи: прочие тексты, суть которых имеет значение для автора и адресата данного текста, система политических воззрений автора и его цели при формировании текста, политическая ситуация, в условиях которой порождается и «живет» этот текст, репутация издания, послужившего местом его публикации.

1.2. Коммуникативно-прагматическая специфика текстов политического дискурса

Стоит отметить, что язык политики становится не просто средством представления интересов в сфере политики, он сам становится политикой, ее основной частью. Важна не только та информация, которую преподносят, большое значение также имеет и метод ее представления. На этой почве возникают многочисленные манипуляции и уловок, используемые политиками для достижения своих целей. Язык политики определяет ход всего политического процесса. Его умелое использование помогает направлять политику в нужное русло и маскировать отдельные моменты, огласки которых хотелось бы избежать.

Согласно статье Г. Лассвелла существуют две полярные стилевые тенденции языка политики: а) максимально лаконичный, немногословный язык, использующийся в наиболее кризисные моменты, когда минимальными средствами необходимо достичь результата; «язык сражения»; б) многословный, замысловатый язык, символы которого обладают множеством значений. Он направлен на убеждение сторон, содержит в себе некоторый

процент сомнения, именно своей витиеватостью он стремится повлиять на получение результата (Лассвелл 2007).

В политическом дискурсе крайне важны риторические приемы. Правильно подавая информацию, можно создать впечатление уверенности и убедительности, хотя на самом деле это убеждение может быть ложным. Но только таким образом можно привести публику на нужные выводы, достигнув при этом желаемой цели.

Как это ни странно, но манипуляции и уловки в языке политики наблюдаются и в демократических странах, хотя они абсолютно другого качества и их целью не является создание общества, подчиненного государству и не имеющего свое собственное мнение. За счёт более высокого уровня гражданских свобод меняются и формы уловок в данном случае они направлены не на подавление мнения общества, а на поддержание точки зрения государства. Какими именно методами это достигается - это уже вопрос нравственности политика, использующего их.

Г. Лассвелл также выделяет два метода достижения цели: моделирование результата и противоположность результату. В первом случае предпринимаются некие действия, в расчёте на то, что собеседник или целевая аудитория соглашается с ними. Во втором – наоборот (например, обличение коррупции в надежде снизить её уровень).

Помимо риторических приёмов существуют и другие уловки языка политики. Мы перечислим некоторые из них, воспользовавшись классификацией А. Цуладзе.

Наиболее популярным и, в то же время, действенным является отождествление: это может быть отождествление себя с коллегами по партии, коалиции, избирателями, народом в целом. Создаётся ощущение единства, слаженности действий. Это укрепляет образ политика как представителя интересов народа. Но вместе с тем важен и противоположный приём – обособление своей роли, подчёркивание именно своего вклада в общее дело. Оба этих приёма используются, как правило, одновременно.

Указание очевидностей, тем не менее, также играет немаловажную роль в убеждении. Известную всем информацию можно грамотно разместить в речи, а на её фоне подать нужную идею.

Использование стереотипов, существующих в обществе, – простое и несколько грубое средство, вызывающее не к рациональному, а к чувственному. Оно может сыграть важную роль, особенно если политик обладает харизмой.

Рационализация, т.е. стремление дать логическое объяснение тому или иному факту или событию, весьма часто используется в политике. Не всегда все обещания и планы приводятся в исполнение и не всегда политиками предпринимаются адекватные действия по отношению к чему-либо. В силу необходимости сохранить лицо и получить поддержку политику часто приходится объяснять то или иное событие с рационалистической точки зрения.

1.2.1. Коммуникативные стратегии и тактики политического дискурса

Самыми используемыми в политическом дискурсе используются стратегии самопрезентации и презентации, манипуляции, дискредитации, аргументации и агитации.

Стратегия самопрезентации, «подразумевающая эмоциональную "самоотдачу" оратора, демонстрацию его психических качеств для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» – (Паршина 2007: 43) реализуется с помощью таких тактик, как отождествление (с кем-либо или чем-либо), солидаризация (с адресатом), создание «своего круга», дистанцирование (от политических конкурентов и тех, кто с ними ассоциируется).

Таким образом, участвуя в выборной компании, политик стремится стать «своим» для круга избирателей, давая понять, что о «своих» от позаботится. В этом заключается суть тактики создания «своего круга». Эта тактика относится

к категории манипулятивных, поскольку обычно образ «своего» для политика – это способ мимикрии.

Другой активно используемой тактикой в политическом дискурсе является тактика выгодного сравнения. Сопоставление в нужном для себя аспекте с другими партиями является частым явлением в политике.

При этом сравнение с конкретными партиями встречается довольно редко, возможно, это происходит из-за запрета на умаляющие конкурентов сравнения в коммерческой рекламе. Чаще применяются «родственные» тактики дистанцирования и противопоставления «своего» и «чужого», которые реализуются на текстовом и лексическом уровнях.

Имплицитное сопоставление с политическими конкурентами (естественно, в выгодном для себя свете) обнаруживается в текстах, опирающихся на тактику эксклюзивности и гипертрофирования «я-темы». Языковые средства реализации этой тактики относятся главным образом к лексическому уровню. Чаще всего используются выделительные частицы, существительные и прилагательные с положительно-оценочной семантикой.

Далее рассмотрим конфликтогенные стратегии и тактики политического дискурса. По мнению лингвистов одной из основных для политической рекламы является «агональная» функция (см. (Михалева 2002)). Чаще всего проявление «агональности» политического дискурса можно заметить в стратегии дискредитации. При этом для реализации стратегии дискредитации в политической коммуникации существует лишь небольшое количество тактик. Чаще всего это тактики иллюстрирования отрицательного и обвинения, иногда встречаются также *тактики навешивания ярлыков, не прямых оскорблений, умаляющих сравнений* и др.

Обвинение может носить обобщенный характер или быть направлено на конкретного политика (партию). *Тактика обвинения* имеет тесную связь с *тактикой иллюстрирования отрицательного*. Обе тактики реализуются путем частого использования словосочетаний с отрицательно-оценочными эпитетами и разговорной лексики.

В политической коммуникации часто встречается тактика непрямого оскорбления или навешивания ярлыков. Ее суть заключается в том, что отрицательно-оценочные выражения, используемые для дискредитации оппонентов, не выражаются конкретным лицам, возможность понять, кого политик подразумевает, помогаю контекст и ситуация. К стратегии дискредитации относят такие речевые приемы, как *ирония и сарказм*.

Также в политическом дискурсе активно применяется стратегия манипуляции. Необходимо выделить, что к манипулятивным тактикам не относят средства, используемые для реализации функции убеждения. К основным тактикам стратегии манипуляции относят тактики *подтасовки фактов, запугивания (гиперболизации), имплицитной информации, подмены понятий, апелляции к чувствам*.

Тактики подтасовки фактов реализуется соединением произвольных, отрицательно оцениваемых фактов, которые внушают мысль о причинно-следственных связях между этими фактами. Данная тактика встречается в политическом дискурсе редко, так как, способна вызвать конфликт и нежелательные для политика ответные действия.

Используя тактику запугивания (гиперболизации), кандидаты внушают избирателям мысль о возможности негативных последствий победы другого политика (партии).

Разновидностью тактики «имплицитной информации» является *риторический вопрос*. Оратор ставит перед аудиторией вопросы, которые в действительности являются утвердительными или отрицательными суждениями.

Суть тактики подмены понятий заключается том, что политик ставится в некий разнородный логический ряд, включающий негативные или позитивные факты. В этом случае обычно используются синтаксический параллелизм, анафоры.

Один из активно используемых в рамках стратегии манипуляции приемов именуется обычно тактикой апелляции к чувствам. Для того, чтобы привлечь

избирателей на свою сторону участники выборов охотно используют слова и выражения, вызывающие у адресата живой эмоциональный отклик.

Наконец, в число тактик стратегии манипуляции следует включить и тактику обещаний (при этом обещания могут выражаться словами иной модальности – долженствовательной или оптативной: должны, намерены, хотим и пр.).

1.3. Особенности немецкого политического дискурса

Во многих работах по исследованию дискурса политическая коммуникация трактуется как «речевая деятельность, направленная на пропаганду тех или иных идей, на убеждение граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» (Чудинов 2003, с. 13).

Главной функцией политической коммуникации является «борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.)» (Чудинов 2013, с. 10).

Общественная коммуникация также всегда институциональна («статусно-ориентирована»), так как общение происходит не между конкретными людьми, а между теми институтами, организациями, которые они представляют (Карасик 2002; 27) при условии публичности и официальном статусе подобных отношений и их ретрансляции (через средства массовой коммуникации) на самые широкие слои населения и мировую общественность.

Все перечисленные выше особенности языка характерны для современного немецкоязычного политического дискурса. При этом дискурс современной Германии унаследовал черты только западногерманской

политической политического языка, а риторика бывшей ГДР не получила никакого развития, закончив свое существование вместе с ГДР.

В связи с кардинальными изменениями геополитической ситуации в Европе и мире, а также с внутренними проблемами Германии в конце XX – начале XXI в., европейское общество стало более политизированным, вследствие чего политическая коммуникация стала более востребованной и начала приобретать новые черты. Политический дискурс современной Германии отличается агрессивностью, применением разнообразных стратегий и тактик поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.), случаями подлога и фальсификации данных.

Помимо языковых средств современный немецкий политический дискурс также изобилует различными способами образного воздействия: тропы и фигуры. Наглядные и яркие образы имеют эффективное воздействие, запоминаются публикой и образуют речевой портрет того или иного политика. Частотными образными средствами любого политика являются эпитеты, сравнения, эвфемизмы, однако доминирующим средством выразительности является метафора. Именно для метафоры (в лингвостилистическом плане) характерны качества и свойства неожиданности, новизны, точной характеристики человека или ситуации.

Метафора является многогранным феноменом, в зависимости от точки зрения у нее появляются различные языковые свойства. Так, при когнитивном подходе у метафорической единицы выделяются ее семантические свойства связи с лингвокультурными символами, а также парадигматические реляции в рамках соответствующих понятийных сфер и синтагматический потенциал.

Метафора в политическом дискурсе выступает в роли композиционного и содержательного механизма. Метафора в языке политики находит проявление на ее различных ступенях, и именно это оказывает влияние на ее характер. В «большой» политике за ней остается лишь формальное значение, так как там область ее применения ограничена только созданием и утверждением политических приоритетов и ценностей, не затрагивая фактическое управление

государством.

Переходя к уровню «малой» политики, метафора превращается в комплексы политических действий, которые, в той или иной степени, соответствуют представленной политической идее. Этот уровень допускает несанкционированное расширение метафоры, и даже изменение ее содержания, так как ее смысловая неопределенность способствует приданию новых смыслов и значений, что приводит к превращению ее в способ объединения должного и желаемого.

Политическая метафора отражает общественную и политическую реальность, однако не выходит за рамки исключительно декларативного компонента «большой» политики, если не становится одним из средств практической деятельности, проводимой на более низких уровнях власти.

Тем не менее, подобная деятельность является возможной лишь в ситуации, когда метафоры, употребляемые в дискурсе власти, коррелируют с метафорами обыденного дискурса. При отсутствии такой взаимосвязи, они будут лишь более или менее удачными стилистическими фигурами, не оказывающими влияние на сознание участников коммуникации, так как именно повседневные смыслы считаются без сомнения истинными.

Таким образом, вербальная политическая культура делится на три элемента: узуальный (социально-маркированный словарь), традиционный (конвенциональные лингвокультурные символы) и дискурсивный (политическая речь и публицистика). Они в совокупности составляют социально-политическую коммуникацию, где первый компонент «социальный» указывает также на область общественно-социальной, профессиональной и экономической деятельности отдельного человека (семьи, группы, класса) как реализации общественных отношений в повседневной частной жизни граждан (Керимов 2014; Федянина 2008; Jäkel 1997).

Именно данный ракурс поможет в полной мере осветить все стороны политической коммуникации. При этом следует отметить, что все три элемента социально-политической коммуникации не существуют обособленно, они

находятся в постоянном взаимодействии, участвуя в создании общественно-социальной реальности. Узуальный сегмент, включающий в себя фразеологию и паремиологию, служит языковой основой для общественно-политической коммуникации. Общекультурные символы, попадая в дискурс, сигнализируют о наиболее актуальных темах в данных социальных условиях. Индивидуально-авторские неологизмы при частотном употреблении могут получить широкое развитие и попадать в узуальный словарь. В контексте «живой» речи узуальные, общекультурные и дискурсивные элементы тесно переплетаются, создавая актуальные общественно-политические образы. При подобном рассмотрении социально-политическая коммуникация предстает как обширный, непрерывный, регулярно актуализирующийся когнитивно-языковой континуум вербального сегмента социальной деятельности человека.

Выводы по Главе I

Однозначного определения понятия «дискурс» учеными пока не разработано. Данный термин обладает определенной многозначностью. Дискурс – это многомерный феномен, объединяющий сам текст и контекст, в котором он реализуется – ситуативный и культурный.

Понятие политического дискурса также является предметом дискуссий современных лингвистов. Основной целью данного дискурса является внушение гражданам государства мысли о необходимости принятия «верных» решений. Анализ политического дискурса невозможен без экстралингвистических знаний. Для осмысления политической коммуникации необходимы знания об ожиданиях адресатов и автора, о сюжетных схемах и скрытых побуждениях.

Поскольку основная цель текстов политического дискурса – влияние на мышление адресата, значение экстралингвистических средств в политической риторике существенно возрастает. И не последнюю, а зачастую и одну из самых важных ролей, здесь играет правильный выбор и грамотное использование определенных стилистических языковых средств, в том числе и лексических единиц речи.

Глава II. Особенности политического дискурса Ангелы Меркель

2.1. Экстралингвистические факторы политического дискурса

Ангелы Меркель

В данной главе, опираясь на результаты собственного исследования и обобщая результаты работ немецких ученых, посвященных особенностям политического дискурса канцлера ФРГ Ангелы Меркель, а также, проанализировав обширный корпус отобранного фактического материала, мы выявили характерные для канцлера экстралингвистические и лингвистические факторы, которые в совокупности позволяют ей достигать поставленных целей дискурса и на протяжении длительного времени оставаться одним из самых влиятельных политиков не только в своей стране, но и во всей Европе.

2.1.1. Общая характеристика особенностей политической коммуникации канцлера Меркель

Когнитивная система канцлера базируется прежде всего на универсальных и групповых ценностях, поскольку дискурс канцлера определяет направление внешней и внутренней политики государства. Дискурс Меркель преимущественно институционален, т. е. представляет позицию государства как института, учитывающего интересы различных социальных групп.

Иными словами, в когнитивной системе данного политика на передний план выдвигается ее коллективная идентичность, что находит отражение в вербальной системе: *wir Christdemokraten, wir in christlich-liberalen Koalition (als Union und FDP), wir als Bundesregierung, wir in Deutschland, wir in Deutschland und Frankreich, wir als E-3, G-6 (G-8)*, – в то время как индивидуальная идентичность отступает на задний план или полностью нивелируется.

Проанализировав отобранный материал, мы можем выделить следующие общие закономерности, характерные для речи Ангелы Меркель:

1. Строгая структура речи.
2. Констатация фактов.
3. Открытое выказывание доверия.
4. Использование стереотипов.
5. Отсылки к истории.

Проиллюстрируем каждый из перечисленных пунктов:

1. Для дискурса Ангелы Меркель характерна строгая структура речи с выделением тематических частей. Для этого она прибегает к использованию вводных слов и конструкций.

*Sie lauten **erstens**: Die Grenzen Europas sind und bleiben unverrückbar. Und **zweitens**: Die Völker Europas sind und bleiben frei, ihre Zukunft selbst zu bestimmen.*

Ангела Меркель употребляет в данном примере вводные слова, чтобы выделить, устоявшиеся принципы Европы и обратить внимание на то, что они остаются неизменными. Для этого она также использует повторение глагола «*bleiben*».

***Erstens**. Es handelt sich um einen Krisenmechanismus der Mitgliedstaaten der Euro-Zone. Das heißt, es werden keine Hoheitsrechte an die Europäische Union übertragen.*

***Zweitens**. Voraussetzung für die Auslösung des Mechanismus ist die Gefährdung der Finanzstabilität der Euro-Zone insgesamt.*

***Drittens**. Über die Inanspruchnahme entscheiden wir in der Euro-Zone einstimmig.*

***Viertens**. Der Internationale Währungsfonds wird eng eingebunden.*

Как можно увидеть из упомянутых выше примеров, Меркель имеет склонность к крайне сильному членению аргументов, что придает ее речи структурность и упорядоченность.

2. Констатация очевидных фактов – сильный инструмент в речи любого политика. Этот прием помогает обратить внимание слушателей на

осведомленность говорящего в той или иной сфере. Меркель часто приводит факты и точные числа в своей речи, что придает ее выступлениям убедительность.

In Syrien ist es so gekommen, dass die Hälfte der Bevölkerung inzwischen auf der Flucht ist. Syrien hatte mehr als 20 Millionen Einwohner. Über zehn Millionen sind auf der Flucht – die eine Hälfte außerhalb des Landes, die andere Hälfte im Land.

Данное предложение указывает на осведомленность политика о состоянии дел в Сирии. Называя число жителей, она выражает озабоченность из-за увеличения числа беженцев и подчеркивает, что эта проблема является одной из основных.

Wir werden im nächsten Jahr erstmals seit 2002 mit der Gesamtverschuldung wieder dort liegen, wohin der Europäische Stabilitätspakt uns verweist, nämlich unterhalb von 60 Prozent des Bruttoinlandsprodukts. 2012, nach der internationalen Finanz- und Wirtschaftskrise, lag die Gesamtverschuldung bei knapp 80 Prozent.

Данное предложение Меркель произнесла на Международном экономическом форуме в Давосе в 2018 году. Числовые показатели, названные Меркель, придают речи конструктивность и точность, что является необходимым в сфере экономики. Таким образом, канцлер показывает свою осведомленность не только в политической, но и в экономической сфере.

3. Открытое выказывание доверия также можно часто встретить в выступлениях канцлера Германии. Этот прием крайне важен не только для формирования внешнего образа политика, но и может послужить индикатором доверия для собственных коллег.

(2009) FAZ: Den Kampf gegen Terrorismus halten Sie für wichtig. Ist es da klug, wenn der Innenminister de Maizière seinen Staatssekretär Hanning, einen allseits anerkannten Sicherheitsfachmann, fristlos entlässt, ohne einen Nachfolger zu benennen?

Thomas de Maizière ist ein hervorragender Innenminister, der viel Erfahrung im Bereich der öffentlichen Sicherheit hat. Er wird einen exzellenten Nachfolger vorschlagen.

(2010) Woher rührt die Unruhe, und ist es nicht ein Problem, dass Wolfgang Schäuble nicht aus den Schlagzeilen kommt?

Ich komme gerade mit Wolfgang Schäuble vom G-20-Gipfel in Seoul zurück. <...> Ich habe wieder einmal erlebt, was für einen international hoch angesehenen Finanzminister Deutschland in ihm hat, und ich habe volles Vertrauen in ihn.

Данные примеры, приведённые выше, относятся к интервью разных лет и затрагивают весьма острые моменты политики ХДС/ХСС. В данном случае Меркель открыто защищает и выражает доверие своим коллегам. Делает она это не только, чтобы оправдать коллег, но для того, чтобы защитить свой имидж.

Ich sage ausdrücklich: Mit der Wahl des französischen Präsidenten Emmanuel Macron ist noch einmal zusätzlich Schwung in die Europäische Union gekommen; und das wird uns stärken.

Из данного примера мы можем видеть, что Меркель выражает свое доверие не только своим непосредственным коллегам, но и представителям других стран, в данном случае им стал президент Франции Эммануэль Макрон.

4. Стереотипы, как правило, вызывают у слушателей доверие к говорящему, за счет того, что эта информация знакома всем и не вызывает несогласия. Поэтому политики часто используют данный прием в своей речи, так как новая и, возможно, нежеланная информация, подаваемая на фоне стереотипов не вызывает бурной реакции.

Leiten muss uns dabei der Grundgedanke der Menschenwürde. Wertkonservative hatten in der Union immer ihre Heimat, und sie werden sie immer haben, aber auch sie müssen sich in den rasanten Entwicklungen unserer Zeit immer neu befragen.

В данном примере этот приём оказывает наибольшее влияние на постоянный электорат, поддерживает мысль о том, что основополагающие

ценности общества и принципы политиков, служащих на его благо, остаются в большинстве своём незыблемыми.

Eine solche zentrale Herausforderung für die Menschheit heute ist ohne Zweifel der Wandel unseres Klimas.

Staatenzerfall, Armut, Terrorismus und Epidemien sind die wichtigsten Problemen der Welt.

Приведенные выше примеры явной очевидности используются Меркель для оказания воздействия на международном уровне. В данном случае дополнительное усиление вызывают перечисленные канцлером глобальные проблемы человечества.

5. Очень часто в речах Меркель можно заметить примеры, подкрепляемые фактами из истории. Умело употребляемые Меркель отсылки в прошлое придают выступлениям канцлера не только убедительность, но и вызывают у слушателя чувство солидарности.

Im Jahr 1648 wurde nach langem und zähem Ringen der Westfälische Frieden von Münster und Osnabrück geschlossen.

В данном примере канцлер называет конкретные примеры из истории, а именно указывает дату подписания Вестфальского мира, ознаменовавшего конец Тридцатилетней войны в Священной Римской империи. Употребление этого факта истории неслучайно, ведь Меркель выступала с этой речью в Мюнстере, где был подписан Мюнстерский мирный договор, ставший поворотной точкой в окончании Тридцатилетней войны.

Im Mai 1945 endete der Zweite Weltkrieg, im Oktober war der Grundstein für die Vereinten Nationen gelegt.

В этом случае канцлер, употребляя точные даты, подчеркивает значение существования ООН и причины ее создания, одной из них, как мы видим из указанного выше примера, стала Вторая Мировая война.

Ich will an diesem Tag, an dem Europa ja sehr im Zentrum der Diskussionen dieses Davoser Forums steht, daran erinnern, dass 1918, vor hundert Jahren, der

Erste Weltkrieg endete. Er wird auch als Urkatastrophe des 20. Jahrhunderts bezeichnet.

Здесь А. Меркель сообщает о столетии с момента завершения Первой Мировой войны. Это предложение, произнесенное на Экономическом форуме в Давосе в 2018 году, имеет особое значение: канцлер напоминает присутствующим о значении мира, как для развития экономики, так и для жизни людей.

Таким образом, интерпретируя экстралингвистические факторы дискурса политического лидера Германии Ангелы Меркель как некую абстракцию от результатов использования языка, мы выделяем в ее структуре когнитивную, вербальную и прагматическую системы, характеризующиеся набором уникальных особенностей. Когнитивная система данного политика ориентирована преимущественно на универсальные и групповые ценности, вербальная система характеризуется четкостью, институциональностью и имплицитностью.

Основной целью канцлера является реализация власти внутри страны, а также навязывание своей системы ценностей за рубежом, что достигается посредством выработанной системы стратегий.

2.1.2. Речевые стратегии и тактики

В науке существует обширная парадигма концепций исследования речевых стратегий и тактик. Однако, на наш взгляд, наиболее точную дефиницию речевых стратегий предлагает О.Н. Паршина, понимающая под стратегией «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» (Паршина 2007, с. 10–11). В нашем исследовании речевая стратегия трактуется как общая направленность речи, а тактика – как способ реализации стратегии. Основными стратегиями, используемыми в политических выступлениях, по мнению О.Н. Паршиной, являются: 1) стратегия самопрезентации, цель которой заключается

в создании положительного образа политика; 2) информационно-интерпретационная стратегия, которая служит для удержания властных полномочий и отражает восприятие и оценку происходящих событий политиком; 3) аргументативная стратегия, используемая для убеждения адресата. При этом стратегии реализуются большим количеством тактик (Паршина 2005).

Перед описанием языкового материала необходимо кратко охарактеризовать общую политическую обстановку в ФРГ накануне избрания А. Меркель на пост канцлера, а также экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование ее языкового портрета.

После объединения в 1990 г. Германия стремилась усилить свои позиции на международной арене. В частности, в 2000 г. по вкладу в бюджет ООН страна занимала третью позицию, уступая только США и Японии (Егоров 2011). Однако отголоском политической деятельности Г. Коля в XXI в. стал ряд социальных проблем, с которыми пришлось столкнуться первой женщине – федеральному канцлеру в истории Германии Ангеле Меркель.

Формально-содержательная структура выступления детерминирована требованием повысить личный статус канцлера, завоевать доверие и получить эмпатию со стороны населения. Вследствие чего основной используемой стратегией является **стратегия самопрезентации**, реализуемая различными тактиками.

Тактика отождествления: *Wie wäre es, wenn wir uns heute Abend das Ziel setzen...*

Deshalb geht es darum, auch hierbei wirklich eine Soziale Marktwirtschaft, wie wir in Deutschland sagen würden, hinzubekommen.

В данных предложениях использование личного местоимения в 1 л. мн. ч. позволяет А. Меркель отождествить себя со всем населением Германии, что говорит о единстве целей, установок и мотивов федерального канцлера и народа Германии. Эту же тактику мы можем наблюдать в выступлениях Меркель и после избрания на пост канцлера Германии.

*Das mussten **wir** wieder mit Schrecken erfahren.*

В данном примере тактика отождествления (Меркель отождествляет себя с народом Германии), подкрепляется также особым эмоциональным тоном за счет употребления существительного с предлогом «*mit Schrecken*».

***Wir in Europa** werden uns gemeinsam mit unseren Partnern immer für unsere Werte und die europäische Friedensordnung einsetzen.*

*Ich bin froh, dass da bei der Wirtschaft jetzt ein Umdenken stattfindet: die Tatsache, dass behauptet wird, die Batteriezellproduktion könnten **wir in Europa** nicht mehr haben.*

*Hierbei stehen **wir in der Europäischen Union** nach meiner Auffassung unter einem doppelten Druck.*

В данных примерах мы наблюдаем, что Ангела Меркель употребляет тактику отождествления не только в отношении своей страны, но и в отношении Европы. Данные методы воздействия канцлер начала употреблять значительно позже, а именно, когда Евросоюз стал набирать мощь. Эти приемы необходимы для указания на единство целей и установок Европы.

Тактика солидаризации: *Ich weiß, dass vielen bereits sehr viel abverlangt wird.* Канцлер использует перформативный глагол *wissen*, чтобы выразить свое личное мнение. Поскольку информация, содержащаяся в придаточном предложении, ориентирована на публику, согласие с данной информацией самого оратора означает единство во мнении и служит для сближения канцлера и народа.

Поддержание национального духа осуществляется с помощью использования **стратегии формирования эмоционального настроения адресата** и тактики **единения:** *Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger, gerade in Deutschland haben wir Grund zur Zuversicht.*

Тактика единения реализует задачу сплочения слушателей для осознания ими самих себя как отдельного «народа» или социума:

Denn, meine Damen und Herren, wir Europäer, wir erleben es tagtäglich auf dem Kontinent: Für gewonnen ist Land zu, zusammen gelingt vieles.

В своих выступлениях Меркель подчеркивает и сплоченность европейцев. Это особенно актуально на сегодняшний день, когда Евросоюз переживает кризисные времена.

В приведенном ниже примере мы видим использование комбинации указанных стратегии и тактики с добавлением стратегией формирования эмоционального настроения и тактики учета ценностных ориентиров: *Es war das Jahr, in dem wir in Europa in lange nicht gekannter Härte erfahren haben, was es bedeutet, wenn Grundlagen unserer europäischen Friedensordnung infrage gestellt werden – also die freie Selbstbestimmung der Völker.* А. Меркель заявляет о постановке под сомнение права на самоопределение – одно из важнейших прав народа, что, безусловно, повышает эмоциональный фон высказывания.

Тактика обещания часто употреблялась канцлером в начале ее политической карьеры. Данная тактика является сильным инструментом в стратегии самопрезентации. Тактика обещания – «добровольное обязательство сделать что-либо».

Ich darf Ihnen versprechen, dass wir das politisch flankieren werden und dass, wo immer Hilfe geleistet werden kann, Deutschland an der Seite der Portugiesen steht, um das große Ziel zu erreichen.

Данный пример показывает, что Германия во главе с канцлером Ангелой Меркель занимает особое положение в Европе и может оказывать другим странам поддержку.

Wir in Europa werden uns gemeinsam mit unseren Partnern immer für unsere Werte und die europäische Friedensordnung einsetzen.

Und im Verbund mit Dänemark und Polen werden wir das multinationale Hauptquartier in Stettin zu einer Drehscheibe für künftige regionale Kooperation und Bündnisverteidigung ausbauen.

В обоих примерах Ангела Меркель намечает будущие действия. Здесь мы можем проследить, что тактике обещания свойственно употребление глаголов в будущем времени.

Кроме того, нами были установлены случаи обращения А. Меркель и к **аргументативной стратегии**, которая предусматривает использование тактики указания на перспективу.

Тактика указания на перспективу: *Europa hat große Erwartungen an unser Land.* Канцлер говорит о необходимости увеличения основных показателей Германии, поскольку это значимо для всей Европы. Существительное *Erwartungen* имеет ориентированность на будущее, что полагает конечной *целью реформирования не текущий момент, а именно перспективу.*

Используя аргументативную стратегию и тактику указания на перспективу, канцлер, несмотря на тяжелое финансовое положение в Европе, прогнозирует рост экономики в будущем: *...doch am Ende dieses Weges wird Europa stärker aus der Krise hervorgehen, als es in sie hineingegangen ist.*

Ich sage ausdrücklich: Mit der Wahl des französischen Präsidenten Emmanuel Macron ist noch einmal zusätzlich Schwung in die Europäische Union gekommen; und das wird uns stärken.

В приведенном выше примере Меркель не только указывает на развитие Европы в будущем «und das wird uns stärken», но и обозначает человека, благодаря которому этот подъем произойдет.

Не менее важной с точки зрения удержания политической власти является использование **информационно-интерпретативной стратегии**, которая подразумевает использование определенных тактик.

Тактика акцентирования положительной информации: *Genau das hat sich meine Regierung vorgenommen.* А. Меркель говорит о проведенных мерах по снижению уровня безработицы в Германии. Использование усилительной частицы *genau* позволяет оратору подчеркнуть необходимую информацию.

Es sind so wenig Menschen arbeitslos wie seit 20 Jahren nicht.

В данном примере Меркель указывает на положительные результаты политики правительства А. Меркель, что позволяет укрепить ее позицию на занимаемом посту.

Übrigens – es war auch der Zusammenhalt eines Teams, der uns beim Gewinn der Fußballweltmeisterschaft so unvergessliche Momente bescherte. Здесь А. Меркель обращает внимание на успех национальной футбольной команды на чемпионате мира 2014, реализуя тем самым информационно-интерпретационную стратегию и тактику акцентирования положительной информации.

Тактика признания существования проблемы: *...und zwar auch das Problem Nr. 1, das ist ohne Zweifel die erschreckend hohe Arbeitslosigkeit...*

Wir brauchen mehr Fachkräfte; auch hier gibt es ein Riesenproblem.

Канцлер указывает на наличие проблем, не снимает с себя ответственности, не перекладывает ее на других, не умалчивает и не избегает данной темы, что, несомненно, положительно сказывается на укреплении политического авторитета и приобретении симпатии со стороны населения.

В целом необходимо отметить, что нередко в своих выступлениях А. Меркель уделяет внимание не столько конкретным фактам, сколько общему эмоциональному настроению, о чем свидетельствует эпизодическое использование **агитационной** стратегии.

Тактика скрытого призыва: *Sie werden sehen, wie viel Freude es macht, wenn man Schritt für Schritt voran geht.* Своими словами А. Меркель намекает на возможный успех в результате продолжительного труда.

Отмечается необходимость упорного труда в Европе: *...eine gemeinsame Währung erst dann wirklich erfolgreich sein kann, wenn wir mehr als bisher in Europa zusammenarbeiten.* В данном случае реализуется тактика скрытого призыва.

Также следует выделить случай использования тактики открытого призыва (агитационная стратегия): *Ich lade Sie alle ein: Machen Sie mit.* Канцлер предлагает населению Германии активнее участвовать в разработке общественных вопросов.

В приведенном ниже примере, используя лексику с отрицательной коннотацией, канцлер реализует агитационную стратегию и тактику призыва:

Deshalb sage ich allen, die auf solche Demonstrationen gehen: Folgen Sie denen nicht, die dazu aufrufen! Denn zu oft sind Vorurteile, ist Kälte, ja, sogar Hass in deren Herzen!

Используемые в анализируемых текстах речевые стратегии дополнены элементом эмоциональности. По нашему мнению, несмотря на отсутствие харизмы у А. Меркель, ее выступления отличаются повышенной эмоциональностью, которая создается посредством использования эмоционально окрашенной лексики (*Schrecken, missachten*) и средств художественной изобразительности (*in nicht gekannter Härte*). Ее речи пропитаны национальным духом, чему способствует использование лексем *wir, alle, gemeinsam*.

Отличительным признаком текстов выступлений А. Меркель является комбинированное использование речевых стратегий и тактик, что служит более эффективному достижению коммуникативных целей.

2.2. Лексико-стилистические особенности дискурса Ангелы Меркель

Основой политического дискурса любого политика являются лингвистические средства. Выбор лексико-стилистических средств в политическом дискурсе обусловлен необходимостью оказания речевого воздействия с целью создания образа политического деятеля, характеристики политической борьбы, оценки происходящих в политическом мире событий. Умелое использование лексики способствует достижению цели говорящего.

Используя те или иные лексико-стилистические средства, политики апеллируют к фоновым знаниям своей аудитории, создают новые ассоциации, получают возможность подать информацию так, чтобы оказать определенное влияние на общественное мнение, а также корректировать силу речевого воздействия.

Речи Меркель воздействуют на публику не за счет эмоционального концепта, упор в коммуникации канцлера сделан на структуре текста и его

синтаксисе. Рассмотрим наиболее яркие примеры синтаксических средств выразительности в дискурсе Ангелы Меркель.

1. Одним из основных стилистических приемов в дискурсе А. Меркель является **перечисление**. Перечисление относится к распространённой разновидности повтора, смысл которого заключается в упорядочении слов, словосочетаний, предложений в соответствии с интенцией высказывания. Различают усиливающее перечисление (климакс) ослабляющее перечисление (антиклимакс), асиндетическое (асиндетон) полисиндетическое (полисиндетон), перечисление без обобщающего слова (аккумуляция) и с обобщающим словом (амплификация).

а) Многосоюзиe (полисиндетон) возникает при избыточном повторе союза «и». Многосоюзиe обычно наряду с уверенностью передает замедленность действия.

*Sie bezieht ihre Kraft aus den Grundprinzipien des Rechts **und** der Freiheit **und** unserer Entschlossenheit, für diese Werte einzutreten und sie zu verteidigen.*

В данном примере мы видим перечисление существительных с частым использованием союза «и», что способствует усилению значения каждого из вышеупомянутых существительных. Что еще раз напоминает о том, что Меркель часто в своих речах выступает за свободу и права народа.

*So muss es auch bei der Braunkohle sein: erst fragen, was aus der Region wird, dann aussteigen, **und** nicht erst Aussteigedaten festlegen **und** sich dann überlegen, was aus den Menschen wird.*

В данном примере мы видим перечисление глаголов, соединенных между собой союзами «и». Таким образом, канцлер обращает наше внимание на особое значение каждого глагола, на определенную последовательность в действии, передавая динамику и ритм движения.

б) Амплификация относится к разновидности перечисления с обобщающим словом в конце/начале ряда перечисляемых компонентов. Она предполагает усиление высказывания, так же характеризует предложения, в которых выражаемые мысли, чувства, эмоции усиливаются не только благодаря

перечислению, детализации, сравнению, но и благодаря обобщению перечисляемых компонентов.

Meine Damen und Herren, die Ukraine-Krise, der IS-Terror im Irak und in Syrien, die Ebola-Epidemie – allein diese drei Stichpunkte zeigen, dass das vergangene Jahre viel Leid und Zerstörung für Menschen in ganz unterschiedlichen Regionen dieser Welt mit sich gebracht hat.

В данном примере обобщающее слово стоит после перечисления: *diese drei Stichpunkte*. Перегружая предложение долгим перечислением проблем, он подчеркивает каждое из них и обобщает, отмечая тем самым три основных глобальных проблемы, над которыми предстоит работать.

Den Nachbarländern – dem Libanon, der Türkei und Jordanien – schuldet die internationale Staatengemeinschaft großen Dank.

Gemeinsam mit einer Reihe internationaler Partner – den USA, Italien, den Niederlanden und vielen anderen – wollen wir die irakischen und kurdischen Sicherheitskräfte dabei unterstützen, den Terror des IS abzuwehren.

Обобщаемое слово в данных примерах стоит перед перечислением: *Den Nachbarländern, internationaler Partner*. Автор сначала говорит, о странах, а затем перечисляет их. Данная конструкция помогает сделать акцент на каждом из перечисленных государств.

Meine Damen und Herren, die Anschläge in Paris, die grenzüberschreitende Ebola-Epidemie, die Flüchtlingskrisen im Mittelmeer – sie lassen uns spüren, wie sehr außen- und sicherheitspolitische Fragen auf die innere Verfasstheit unserer Gesellschaften zurückwirken.

В данном предложении мы наблюдаем амплификацию. Обобщающим словом здесь является – местоимение *sie*. Прибегая к такому синтаксическому приему, Меркель выделяет острую озабоченность в связи с перечисленными глобальными проблемами.

2. Одним из самых употребляемых канцлером синтаксических приемов являются **повторы**. Основной функцией этих фигур считается передача стабильного эмоционального фона, независимо от того, положительно или

отрицательно он окрашен. Повторы служат для ритмизации и выделения некоторых элементов.

Одинаковые фонемы, морфемы, слова и словосочетания могут не однократно повторяться в тексте, что оказывает стилистическое воздействие на читателя. Их расположение и взаимосвязь может быть различной. В лингвистике выделяются разные виды повторов. К ним относятся: лексические, фонетические и грамматические.

а) Лексический повтор характеризуется многократным употреблением одного и того же слова, группы слов, словосочетания (дословный повтор) либо синонимов (синонимичный повтор).

*Hierbei sind wir zögerlich, aber doch in den letzten Jahren schon an vielen Stellen auch erfolgreich gewesen. Aber es liegt noch **sehr, sehr viel** Arbeit vor uns.*

Данное предложение Ангела Меркель произнесла на Экономическом Форуме в Давосе в 2018 году. Она произносит дважды «*sehr*», тем самым давая понять, что для достижения экономического благополучия предстоит много работы.

*Warum sind die **gemeinsame Außenpolitik**, die **gemeinsame Verteidigungspolitik** und die **gemeinsame Entwicklungspolitik** von so großem Interesse?*

Повторение прилагательного «*gemeinsame*» и второй части сложных слов «*Politik*» употребляется канцлером для того, чтобы необходимость единства каждой из видов политики. В данном примере мы можем также наблюдать такой синтаксический прием, как риторический вопрос. Он придает усиление значимости данного предложения.

*Zweitens sind wir in der Lage, einen politischen Ansatz in Bezug auf dritte Länder durchzusetzen, der uns sehr wichtig ist: nämlich einen gemeinsamen Ansatz von **sicherheitspolitischen Fragen**, von **Fragen der Entwicklungskooperation** und von **Fragen der wirtschaftlichen Entwicklung**.*

Данный пример еще раз подчеркивает желание канцлера выделить основные проблемы, в данном случае – это политическая безопасность,

кооперация и экономическое развитие стран третьего мира для их последующего решения.

б) Наиболее известным в повторе является синтаксический параллелизм – повтор слов в началах смежных отрезков речи. Смысл параллелизма заключается в желании продемонстрировать уверенный эмоциональный настрой. Многие политики используют данный прием, чтобы выделить каждый их отрезков речи.

Ich brauche vielmehr auch immer ein gutes Miteinander mit meinen Nachbarn, ich brauche Abkommen, ich brauche staatliche Verträge, um zu wissen, wie ich die Herausforderung auch der illegalen Migration in den Griff bekomme.

Меркель неоднократно повторяет выражение «*ich brauche*». Таким образом, она подчеркивает необходимость в содействии и сотрудничестве соседствующих стран для достижения необходимой цели.

Wir haben uns eine einheitliche Währung gegeben, haben uns aber nie Gedanken darüber gemacht, was denn passiert, wenn diese Währung einmal in eine Krise gerät.

Wir müssen mehr Verantwortung übernehmen; wir müssen unser Schicksal mehr in die eigene Hand nehmen.

Wir dürfen uns deshalb auch nicht abschotten, sondern wir müssen mit den Besten der Welt Schritt halten und wir müssen für unseren multilateralen Ansatz werben.

В приведенных выше примерах мы видим, что канцлер повторяет местоимение «*wir*» с глаголом, что вызывает чувство единения и побуждает к началу совместной деятельности.

3. Речи Меркель также свойственны следующие средства выделения: инверсия, парантеза и др. Подобные фигуры демонстрируют состояние нестабильности, колебание, изменение настроения из-за только что полученной информации.

а) Инверсия представляет собой нарушение обычного порядка слов. Чаще всего в языке инверсия связана с так называемым актуальным членением

предложения, когда сказуемое оказывается впереди подлежащего, чтобы выделить в предложении новую информацию.

Genau in diesem Sinne hat der Bundesaußenminister gerade gestern Abend wieder Gespräche geführt.

Mit 178 Waffensystemen kann man überhaupt nicht effizient sein.

Natürlich brauchen wir viertens in Europa eine Stärkung der Wirtschafts- und Währungsunion.

В данных примерах мы видим инвертированный порядок слов. Канцлер намеренно выносит на первое место те слова, на которые нужно обратить внимание. Таким образом, важная информация стоит на первом месте в предложении.

б) Часто встречающейся фигурой является вынесение за рамку, т.е. постановка членов предложения за пределами (типичной для немецкого синтаксиса) рамочной конструкции (“зарамочная позиция”). Такая конструкция часто обусловлена стилистическими причинами: выносятся могут большинство членов предложения. Чаще всего вынос за рамку характерен для устной речи. Наиболее типичны в зарамочной позиции распространённые части предложения: приложения, однородные члены предложения, сравнительные обороты, распространённые обстоятельства. Стилистически более значимы выносы дополнений. Грамматикализированными являются выносы за рамку инфинитивных групп, перечислений, сравнительных оборотов.

Wir tun dies – wie übrigens auch in Mali – in der Überzeugung, dass sicherheitspolitische Bedrohungen unseres Landes nicht erst an unseren Grenzen beginnen.

Данное предложение включает в себе не только вынесение за рамку, но и такую стилистическую фигуру как парантеза. С помощью этих средств Меркель выделяет место действий.

в) Парантеза образуется в результате расчленения исходного высказывания на две части с помещением между ними вставки.

Das alles sind Incentives, wie man heute so sagt, also Anreize, um besser zu leben.

В данном примере мы видим пояснение «*wie man heute so sagt*», парантеза часто употребляется в речи политиков, и Ангела Меркель тому не исключение.

Aufgrund der Ereignisse im Jahre 2014 und aufgrund dessen, was vor unserer Haustür passiert – zum Beispiel auch im Raum Syrien –, hat die NATO 2014 beschlossen – das haben wir im Übrigen im Weißbuch 2016 nachvollzogen –, dass neben den Auslandseinsätzen auch die Landes- und Bündnisverteidigung wieder von größerer Bedeutung sind.

Из последних двух примеров мы видим, что парантеза используется в качестве комментария, который выполняет метаязыковую функцию: канцлер комментирует свой текст. Он как бы подсказывает реципиенту, хотя на первый взгляд можно бы было обойтись и без таких разъяснений.

4. Также в речах Меркель часто встречается парцелляция. Эта фигура придает речи энергичность, создают впечатление того, что говорящий полон решимости перейти от слов к делу. Парцелляция образуется в результате расчленения исходного высказывания на два интонационно обособленных отрезка. Знаком препинания при парцелляции является точка.

Das hat zwei Komponenten. Die eine Komponente ist die humanitäre Hilfe. Wir haben das erlebt.

Aber das geht ja weiter. Es geht um Forschung und Entwicklung.

Ich fange bei der Mobilität an. Die Mobilität wird sich dramatisch verändern.

С помощью данного приема канцлер акцентирует внимание слушателей на главном. Помимо парцелляции в данных предложениях мы можем наблюдать другой стилистический прием – эпифору. Канцлер заканчивает и начинает предложение с одного слова. Данные приемы придают сказанному особую значимость.

Однако, несмотря на то, что в политических текстах Меркель доминирует логическое мышление, эмоциональная сторона также занимает немаловажное положение в ее речах. Эмоциональный компонент воздействия создается с

помощью различных лексико-стилистических средств, таких как эмоционально-оценочная лексика, метафоры, фразеологические сочетания, примеры которых мы рассмотрим ниже.

Как показали наши исследования, в текстах речей А. Меркель регулярно встречаются эпитеты. По мнению Э. Ризель и Э. Шендельс, в качестве эпитета выступает «каждое характерное определение существительного, которое оценивается соответствующим понятием, логически, конкретизировано или эмоционально. Достаточно часто в эпитете эти функции объединяются» (Ризель 2007). Эпитет связан с темой и может интерпретироваться читателем в зависимости от ассоциаций и настроения. В стилистике различают такие виды эпитетов: 1) конкретизирующие; 2) эмоциональные; 3) постоянные; 4) неожиданные; 5) тавтологические 6) оценочные.

Преимущественно в политической коммуникации А. Меркель употребляются конкретизирующие и оценочные эпитеты.

*Für diese Ziele hat sich die internationale Gemeinschaft im vergangenen Jahrzehnt auch in Afghanistan **intensiv und umfassend** engagiert.*

*Dafür brauchen wir ein **vernünftiges** Maß an Realismus, **fortdauerndes Engagement und strategische Geduld**.*

Данные эпитеты придают речи конструктивность и содержательность, присущую политической коммуникации Меркель.

Эмоциональный концепт все же присутствует в дискурсе канцлера и достигается он с помощью оценочных эпитетов.

*Das ist **außerordentlich erfreulich**.*

*Wir sind in dieser Richtung wirklich **gut** vorangegangen.*

*Meine Damen und Herren, danke für die Begrüßung in Ihrer **wunderbaren Stadt**.*

Выбранные Меркель эпитеты влияют на формирование устойчивых характеристик, которые создают стабильную ментальную картинку через подсознательный процесс оценивания мира.

Рассмотрим фразеологическую составляющую дискурса федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Фразеологизмы, которые использует канцлер, благодаря своей ярко выраженной экспрессивной составляющей являются эффективным средством осуществления идеологии власти. Рассмотрим некоторые примеры фразеологических оборотов, употребляемых Меркель в политической коммуникации.

«*Die Bundesregierung handelt, um die bestehenden Probleme in den Griff zu bekommen*». *In den Griff bekommen* [*kriegen* разг.] (букв. «получить в захват»). Ядерным элементом содержания выступает сема «навык». В узуальном употреблении данное устойчивое сочетание означает – овладеть чем-либо; приобрести навык (сноровку), набить руку в чём-либо. В контексте политического дискурса А. Меркель, выражение приобретает следующие смыслы: «быть в курсе дел; учитывать все «за» и «против» для более организованного и успешного разрешения возникающих проблем». Употребление подобной ФЕ характеризует и личность госпожи Меркель, подчёркивает её работоспособность и умение владеть ситуацией.

«*In Baden-Württemberg z. B. wurden vor Jahren die Republikaner kurzzeitig stark, weil die CDU damals ihre Idee der Verschärfung des Asylrechts zwar laut verkündete, aber nicht in Taten umsetzte*». (*etw.*) *in die Tat umsetzen* (букв. «преобразовать в дело»). В данном высказывании подчёркивается сема «осуществление». В этом случае фразеологизм употреблён в отрицательной форме, что создаёт коннотативный фон «сожаления» по поводу задуманных, но не воплотившимся в жизнь решений.

«*Das müssen wir verhindern und das Problem der Überschuldung durch glaubwürdige Konsolidierung bei der Wurzel packen*». Устойчивое выражение *bei der Wurzel packen* (букв. «схватить у корня») актуализирует ядерную сему «предотвращение». Высказывание развивает идею, касающуюся устранения проблемы на ранней стадии, на этапе возникновения, а также – пресечение любой возможности для её развития и укрепления. Таким образом, канцлер

ФРГ проявляет уверенность в своих силах и подчеркивает то, что все негативные факторы необходимо пресекать на ранней стадии развития.

«*Wir müssen den Tatsachen ins Auge sehen*». ФЕ j-m, etw. *ins Auge sehen* (букв. «смотреть в глаз» – смело смотреть в лицо) с ядерной семой «смелость», актуализация которой подчёркивает готовность А. Меркель действовать напрямик. Коннотации фразеологизма в немецком лингвокультурном сообществе связаны с идеологией «прямого действия», декларируемой канцлером.

«*Ich habe mein ganzes Leben lang noch nie einen Hehl daraus gemacht, dass ich für eine längere Laufzeit von Kernkraftwerken bin*». В данном высказывании А. Меркель употребляет ФЕ *kein Hehl aus etw. machen* (букв. «не делать из чего-либо тайну» – не скрывать, не утаивать чего-л., не делать тайны из чего-л.). Сема «открытости», усиливает прямоту высказываний лидера ФРГ. В качестве коннотативных характеристик выступает демократический принцип доступности информации для каждого члена общества. В контексте с лексемами *nie* (никогда) и *mein ganzes Leben lang* (на протяжении всей моей жизни) семантика высказывания подчеркивает, что данный принцип является устоявшимся элементом её политической позиции.

В дискурсе А.Меркель часто встречается выражение: «*Ich habe dazu auch Stellung genommen*». В данной фразе употреблено выражение *zu etw. Stellung nehmen* (букв. «взять к чему-либо положение» – занять определённую позицию в каком-либо вопросе; высказать своё мнение (свою точку зрения) по какому-либо вопросу). Устойчивое сочетание слов в своём семантическом плане содержит сему «независимость».

Рассмотренный материал демонстрирует фразеологическое выражение идеологических концепций партии ХДС в политическом дискурсе А. Меркель. Исторически немцы всегда враждебно относились к политике, поэтому политическому лидеру Германии приходится использовать весь арсенал языковых средств, чтобы убедить своих сограждан принимать активное участие в политической жизни страны. Одну из центральных ролей здесь выполняют

фразеологические комплексы, при помощи которых в сознании потенциального избирателя осуществляется образная фиксация идеологических установок федерального канцлера и партии власти.

2.3. Анализ выступления Ангелы Меркель на 51-й Мюнхенской конференции по безопасности

Ангела Меркель выступала с речью на 51-ой Мюнхенской конференции по безопасности 7 февраля 2015 года. Речь Меркель, адресованная представительству НАТО различных стран, а также другим главам стран и правительств, преследует следующие цели: дать характеристику состоянию безопасности в Европе, предложить основные пути решения конфликтов, заявить о своей позиции и определить роль Германии в данном процессе. Данная конференция проходила на фоне таких событий, как присоединение Крыма к России, война в Сирии, терроризм в Ираке и проч. Поэтому не случайно, что через всю речь красной нитью проходят два основных понятия – «*Sicherheit*» и «*die internationale Ordnung*».

Речь канцлера Германии обладает четкой структурой и хорошо продуманной композицией. В начале идет вступление, где намечаются главные линии развития мысли, и через них задается основная тема речи: «*die internationale Sicherheitspolitik*» и «*die internationale Ordnung*». Вместе с этим во вступлении перечисляются проблемы, угрожающие им:

Die Ukraine-Krise, der IS-Terror im Irak und in Syrien, die Ebola-Epidemie – allein diese drei Stichpunkte zeigen, dass das vergangene Jahre viel Leid und Zerstörung für Menschen in ganz unterschiedlichen Regionen dieser Welt mit sich gebracht hat.

Данные проблемы сопровождаются эпитетом – вызывающим озабоченность *besorgniserregend*:

Und es brachte damit auch besorgniserregende Herausforderungen für die internationale Sicherheitspolitik.

Затем Ангела Меркель благодарит г-на Ишингера за то, что он поставил вопрос мирового порядка в центр дискуссии и, отталкиваясь от него, делает экскурс в историю, упоминая круглые даты, способствовавшие созданию нового миропорядка: 70-летие со дня окончания второй мировой войны, 40-летие Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также 25-летие подписания Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии:

Erstens: Vor genau 70 Jahren endeten der von Deutschland entfesselte Zweite Weltkrieg und der Zivilisationsbruch der Shoah. Zweitens: Vor 40 Jahren wurde die KSZE-Schlussakte in Helsinki unterzeichnet. Mit ihr wurden die Unverletzlichkeit der Grenzen, die friedliche Regelung von Streitfällen und die Nichteinmischung in die inneren Angelegenheiten anderer Staaten anerkannt. Drittens: Vor genau 25 Jahren wurde der Zwei-plus-Vier-Vertrag unterzeichnet und die Deutsche Einheit vollendet.

Указывая на даты и вспоминая связанные с ними события, Меркель пытается создать у слушателя ощущение того, что потребовалось много времени и усилий, чтобы создать тот порядок, который существует на данный момент. И сразу же после этого бундесканцлер переходит к кризису на Украине, сопровождая этот переход однозначным выводом: Россия поколебала основы мирного сосуществования в Европе, нарушив территориальную целостность Украины:

Denn Russlands Vorgehen – erst auf der Krim, dann in der Ostukraine – hat diese Grundlagen unseres Zusammenlebens in Europa verletzt. Die territoriale Integrität der Ukraine wird ebenso missachtet wie ihre staatliche Souveränität. Das Völkerrecht wird gebrochen.

Интересен тот факт, что в данном пассаже предложения становятся короче, что делает их более экспрессивными, при этом лексика остается в рамках правовых отношений, используются рациональные средства выражения

экспрессии, показывающее негативное отношение оратора к изображаемой ситуации.

Однако, избегая резких оценок относительно действий России, Ангела Меркель намеренно сравнивает происходящие события на Украине с Балканским кризисом, и в данном случае мы можем наблюдать оценочную лексику, от которой она воздерживается выше – «ужасающая война на Балканах», «применение насилия становится горькой реальностью»:

Nach dem schrecklichen Balkankrieg in den 90er Jahren müssen wir wieder erleben, was es bedeutet, wenn Frieden und Stabilität in Europa keine Selbstverständlichkeit sind und der Einsatz von Gewalt bittere Realität.

Освещая проблемы кризиса на Украине, Ангела Меркель подчеркивает прямую связь между безопасностью, стабильностью и благосостоянием народа. Она считает, что благосостояние народа можно достичь лишь, соблюдая правила мирового сообщества:

Wer langfristig Sicherheit, Stabilität und das Wohlergehen seiner Bevölkerung sichern will, muss als Teil der internationalen Gemeinschaft die Regeln dieser internationalen Gemeinschaft akzeptieren. Wir in Europa werden uns gemeinsam mit unseren Partnern immer für unsere Werte und die europäische Friedensordnung einsetzen.

Во второй части ее выступления появляется третье базисное слово «*Werte*». Бундесканцлер сравнивает НАТО с «организацией, защищающей свои ценности»:

Gerade weil die NATO eine Wertegemeinschaft ist, geht die Bedeutung von Artikel 5 über Absichtsbekundungen hinaus.

Ангела Меркель заявляет о том, что Германия и союзники готовы выступать за эти ценности и защищать их: *für diese Werte einzutreten und sie zu verteidigen.*

Для придания большей убедительности в речи многократно повторяется одна и та же тематическая лексика:

die Regeln einhalten, akzeptieren, an diesen Grundprinzipien festzuhalten, die territoriale Integrität der Ukraine schützen, sichern.

В первой части речи Меркель сознательно избегает резких эмоциональных оценок, однако, тем не менее, она использует весь арсенал рациональных средств, чтобы передать свое негативное отношение, и – самое главное – она намекает России, какого поведения в сложившейся ситуации от нее ожидают партнеры по НАТО.

С этой целью часто используется модальный глагол *müssen*, который носит «принудительный характер»:

- *Wir machen deutlich, dass internationales Recht eingehalten werden muss;*
- *muss als Teil der internationalen Gemeinschaft die Regeln dieser internationalen Gemeinschaft akzeptieren;*
- *Dazu muss Russland auch in der Ukraine-Krise seinen Beitrag leisten.*

Показателем того, что Германия и ее союзники настроены решительно претворить в жизнь свои планы, являются употребление модального глагола *wollen*, а также будущего времени, как возможность заявить о планах и намерениях, которые однозначно будут претворяться в жизнь: *Wir werden Wir wollen*. Наряду с этим, употребляется целый арсенал средств убеждения: *deutlich machen, keineswegs, selbstverständlich, keinen Platz haben darf, und das unterstreiche ich noch einmal in aller Deutlichkeit*.

Речь Ангелы Меркель изобилует существительными с абстрактной семантикой как с позитивными, так и с негативными коннотациями: *Sicherheit und Zusammenarbeit; Dialog, Kooperation und Vertrauensbildung; Demokratie, Freiheit und Selbstbestimmung; Stabilität, Sicherheit und Wohlstand, Freiheit und Selbstbestimmung, langfristige Stabilität, Sicherheit und Wohlstand, Protektionismus und Abschottung*.

Вторая часть речи, посвященная проблемам в Сирии, Афганистане отличается большей эмоциональной экспрессией. Здесь можно наблюдать оценочные эпитеты: *eine riesige Herausforderung, gravierende Auswirkungen mit barbarischem Terror*, а также и возвышенную лексику: *ein Gebot der Menschlichkeit als auch in unserem ureigenen deutschen Interesse*.

Для смены подтем в своей речи бундесканцлер часто употребляет обращение (*Meine Damen und Herren*).

В речи Ангелы Меркель присутствует выражение субъективной оценки, что делает речь более адресной и подчеркивает ее статус:

Ich freue mich; Ich glaube; Ich halte; unsere Gespräche; mit unseren Partnern; unsere Werte; wir sind sehr daran interessiert; Ich unterstütze, das macht uns große Sorge.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что Ангела Меркель в своей речи пытается дать объективную, аргументированную оценку происходящих событий. При этом она в своей речи четко делит всех на «мы» и «не мы», к последним относится и Россия. Бундесканцлер умело лавирует в сложных политических вопросах и пытается, с одной стороны, сгладить углы, а с другой – продиктовать условия и предупредить о последствиях.

Таким образом, реализуя какие-либо запланированные прагматические установки, при построении высказывания говорящий в политическом дискурсе всегда подбирает языковые средства в соответствии со своим намерением произвести определенное воздействие на публику.

Выводы по главе II

Подробно изучив языковой портрет канцлера Германии, Ангелы Меркель, мы выделили ряд экстралингвистических и лексико-стилистических особенностей, характерных ее дискурсу.

В прагматическом аспекте наблюдается выделение универсальных и групповых ценностей, вербальная же система канцлера отличается четкостью построения речи и институциональностью.

В ходе исследования мы выделили ряд закономерностей, которые составляют дискурс А. Меркель: строгая структура речи, констатация фактов, открытое выказывание доверия коллегам, использование стереотипов, а также отсылки к истории.

Среди наиболее используемых канцлером стратегий, подкрепляемых различными тактиками, мы выделили: стратегии самопрезентации, формирования эмоционального настроения, аргументации, а также информационно-интерпретативную и агитационную стратегии.

Основной упор в коммуникации Меркель сделан на композиции текста и его синтаксическом оформлении. Наиболее употребляемыми приемами в дискурсе бундесканцлера являются различные виды повторов и перечисления. Однако эмоциональный аспект также присутствует в речах канцлера и

достигается он использованием оценочных эпитетов и фразеологизмов.

Заключение

Настоящая работа была посвящена рассмотрению лингвостилистических особенностей политического дискурса современного немецкого языка. Исследование проводилось на материале политических речей канцлера Германии Ангелы Меркель.

Интенция борьбы за власть как основная цель политического дискурса соответствующим образом структурирует анализируемый текст и проявляется через избираемый способ общения (осуществляемый говорящим выбор стратегий и тактик). Использование метода дискурс-анализа позволяет проследить влияние ментальных установок говорящего на выбор применяемых им в политическом дискурсе языковых средств для достижения коммуникативных целей.

В данной работе мы рассмотрели специфику политического дискурса с позиций современной лингвистической науки и его манипулятивного потенциала, сделали анализ ряда политических текстов, на основе которых определили основные экстралингвистические факторы, присущие политическому дискурсу Ангелы Меркель. Таким образом, мы выделяем строгую структуру речи, констатацию фактов, открытое выказывание доверия, использование стереотипов, отсылки к истории.

Также нами были выявлены преобладающие коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе канцлера: стратегии самопрезентации, формирования эмоционального настроения, аргументации, а также информационно-интерпретативную и агитационную стратегии

В работе нами были выделены лингвистические средства, играющие основную роль при достижении целей в дискурсе Меркель. Лексические единицы, используемые Ангелой Меркель, достаточно просты и постоянны: ее выступления не изобилуют образными средствами, характеризуются высокой степенью имплицитности, в них практически отсутствует эмоционально-экспрессивная лексика. Наиболее употребляемыми приемами в дискурсе бундесканцлера являются различные виды повторов и перечисления. Однако эмоциональный аспект также присутствует в речах канцлера и достигается он использованием оценочных эпитетов и фразеологизмов.

Таким образом, проведенный анализ текстов выступлений Ангелы Меркель позволяет доказать, что политический дискурс как специфическая разновидность дискурса обладает набором системообразующих признаков, которые определяют его природу и обуславливают его манипулятивный потенциал.

Список использованной литературы

1. Аникин Е.Е. Тактика имплицитного сопоставления в рекламном дискурсе США // Политическая лингвистика. — М.: Прогресс, 2006. — С. 175-179.
2. Аругтюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Энциклопедия, 2001. – С. 136-137.
3. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России: Материалы раб. совещ. (Москва, 29 марта 1998 года) / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 6–8.
4. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
5. Бубе М. Выборы — 2009 в бундестаг ФРГ. Куда идет партийно-политическая система страны? // Обозреватель — Observer. — М.: Аналитический журнал № 8, 2010. – С. 66–79.
6. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
7. Воробьева, О. И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи: Монография. – Архангельск: ПГУ, 2000. – 120 с.

8. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 20–23.

9. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – №3. – С. 32-43.

10. Егоров А. И. Притязания объединенной Германии на место постоянного члена Совета Безопасности ООН (1990-е – 2005 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – М.: Гнозис, 2011. – № 1. – С. 77–83.

11. Имшинецкая И.А. Речевые манипулятивные техники в рекламе // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR. – М.: Прогресс, 2003. – №2. – С. 27.

12. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография. – М.: Гнозис, 2002. 334 с.

13. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – СПб.: Перемена, 2000. – С. 5-20.

14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

15. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-11.

16. Керимов Р.Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – М.: Перемена, 2013. – № 4. – С. 155-164.

17. Керимов Р.Д. Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ // Политическая лингвистика. – М.: Прогресс, 2014. – № 3. – С. 129-141.

18. Керимов Р.Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: монография. – Кемерово: Офсет, 2013. – 353 с.

19. Керимов Р.Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. – М.: Прогресс, 2014. – № 1. – С. 157-170.

20. Котляр В. Глобальный кризис и отношения США и Европы // Обозреватель — Observer: науч.- аналит. журн. – М.: Академия, 2009. – № 9. – С. 59-64.

21. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

22. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 19-20.

23. Лассвелл Г. Стиль в языке политики // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Академия, 2007. – С. 165-177.

24. Михалева О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества: Материалы международного гуманитарного конгресса. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 96-105.

25. Паршина О.Н. Российская политическая речь. – М.: ЛКИ, 2007.

26. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Автореферат дисс. ... д-р филол. наук. – Саратов, 2005. – 48 с.

27. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: РГГУ. – 1995. – С. 432

28. Федянина Л.И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 160 с.

29. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. – 176 с.

30. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – 248 с.

31. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.

32. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

33. Эпштейн О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – №2(2). – С. 150-156.

34. Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 158 с.

35. Freudenstein A. Die Machtphysikerin gegen den Medienkanzler // Aktuelle Probleme moderner Gesellschaft 3 / hrsg. von P. Nitschke und C. Onnen-Isemann. — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2010.

36. Gabriel N. Das Wort hat der Herr Bundeskanzler // die Frau Bundeskanzlerin. Eine Analyse der Redefunktion in der Regierungserklärungen zum Amtsantritt der Bundeskanzler von 1949 bis 2005. — Norderstedt : GRIN Verlag, 2008.

37. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. – Frankfurt am Main: Lang, 1997. 348 S.

38. Neubrand A. Frauen in Führungspositionen. Ein Vergleich zwischen Deutschland und Frankreich. — Hamburg : Diplomica Verlag GmbH, 2009.

39. Osang A. Ankunft in der neuen Mitte : Reportagen und Porträts. — Berlin: Links, 2000.

40. Riesmeyer C., Thiele M. Ersatz für Queen Blabla gesucht! Wie Spiegel und SpiegelOnline Geschlechterstereotype reproduzieren // Politik auf dem

Boulevard? Die Neuordnung der Geschlechter in der Politik der Mediengesellschaft / hrsg. M. Lünenborg. — Bielefeld: transcript Verl., 2009. S. 44—174.

41. Rosumek L. Die Kanzler und die Medien. Acht Porträts von Adenauer bis Merkel. — Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2007.

42. Scheuerle Ch. Die deutschen Kanzler im Fernsehen. Theatrale Darstellungsstrategien von Politikern im Schlüsselmedium der Nachkriegsgeschichte. — Bielefeldt: transcript Verl., 2009.

43. Schönherr F. Werben für Demokratie. Die Rhetorik einer demokratischen Festkultur. — Tübingen: Eberhard-Karls-Universität, 2010.

44. Strauss M. Politolinguistik: Lexikalische und pragmatische Analyse politischer Sprache. Am Beispiel der parlamentarischen Rede Merkels zum Haushaltsgesetz 2010. — Norderstedt : GRIN Verlag, 2010.

Приложение 1

Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz

Sehr geehrter Herr Ischinger, werte Staats- und Regierungschefs, Repräsentanten, Exzellenzen, meine Damen und Herren, die Ukraine-Krise, der IS-Terror im Irak und in Syrien, die Ebola-Epidemie – allein diese drei Stichpunkte zeigen, dass das vergangene Jahre viel Leid und Zerstörung für Menschen in ganz unterschiedlichen Regionen dieser Welt mit sich gebracht hat. Und es brachte damit auch besorgniserregende Herausforderungen für die internationale Sicherheitspolitik. Deshalb ist es richtig, dass Sie, Herr Ischinger, die Frage nach dem Zustand der internationalen Ordnung in den Mittelpunkt der Diskussion heute Morgen und gestern gestellt haben

In diesem Jahr 2015 erinnern wir an historische Zäsuren.

Erstens: Vor genau 70 Jahren endeten der von Deutschland entfesselte Zweite Weltkrieg und der Zivilisationsbruch der Schoah. Nach diesem Grauen, nach Jahrzehnten und Jahrhunderten des Blutvergießens konnte eine neue Ordnung der internationalen Beziehungen geschaffen werden, die das friedliche Zusammenleben der Völker dauerhaft sichern sollte. Wesentliche Elemente dieser Ordnung sind die Vereinten Nationen, die Nordatlantische Allianz und auch die Europäische Union.

Zweitens: Vor 40 Jahren wurde die KSZE-Schlussakte in Helsinki unterzeichnet. Mit ihr wurden die Unverletzlichkeit der Grenzen, die friedliche

Regelung von Streitfällen und die Nichteinmischung in die inneren Angelegenheiten anderer Staaten anerkannt. Das war ein wichtiger Meilenstein auf dem langen Weg zur Überwindung des Kalten Krieges.

Drittens: Vor genau 25 Jahren wurde der Zwei-plus-Vier-Vertrag unterzeichnet und die Deutsche Einheit vollendet. Beides markierte nicht nur einen Wendepunkt der deutschen Geschichte, es markierte auch einen Neuanfang in den Beziehungen zwischen Ost und West. Deutschland – das möchte ich an dieser Stelle noch einmal ganz ausdrücklich sagen – ist den Völkern Ost- und Mitteleuropas für immer dafür dankbar, dass sie mit ihrem mutigen und aufrechten Eintreten für ihre Freiheit und Unabhängigkeit auch Deutschland den Weg zur Einheit in Frieden und Freiheit geebnet haben.

Meine Damen und Herren, seit mehr als einem Jahr erleben wir nun in der Ukraine-Krise, dass die Grundlagen der europäischen Friedensordnung keineswegs selbstverständlich sind. Denn Russlands Vorgehen – erst auf der Krim, dann in der Ostukraine – hat diese Grundlagen unseres Zusammenlebens in Europa verletzt. Die territoriale Integrität der Ukraine wird ebenso missachtet wie ihre staatliche Souveränität. Das Völkerrecht wird gebrochen.

Nach dem schrecklichen Balkankrieg in den 90er Jahren müssen wir wieder erleben, was es bedeutet, wenn Frieden und Stabilität in Europa keine Selbstverständlichkeit sind und der Einsatz von Gewalt bittere Realität.

Russlands Vorgehen steht im Widerspruch zu den Verpflichtungen etwa aus der KSZE-Schlussakte oder – und das vor allen Dingen – dem Budapester Memorandum, in dem damals versichert wurde – durch die Vereinigten Staaten von Amerika, Großbritannien und Russland –, dass die territoriale Integrität der Ukraine geschützt wird und die Ukraine in der Folge ihre nukleare Bewaffnung aufzugeben hat.

Gerade wenn ich mich an bestimmte Gespräche auch hier am Rande dieser Sicherheitskonferenz erinnere: Wer wird seine nukleare Kapazität aufgeben, wenn wir nicht sicherstellen können, dass territoriale Integrität akzeptiert wird? Deshalb macht die Europäische Union gemeinsam mit ihren transatlantischen Partnern deutlich, dass eine Politik, die auf eine gewaltsame Veränderung der Grenzen in

Europa abzielt, im 21. Jahrhundert keinen Platz haben darf. Wir machen deutlich, dass internationales Recht eingehalten werden muss. Niemand von uns hat ein Interesse an einer neuen Spaltung in Europa und schon gar nicht an einer Konfrontation mit dem Risiko unkontrollierbarer Eskalation.

Wir wollen Sicherheit in Europa gemeinsam mit Russland gestalten, nicht gegen Russland. Das gilt für die europäische und die transatlantische Sicherheitsordnung. Das gilt auch für die Bewältigung gemeinsamer internationaler Herausforderungen – von der Verbreitung von Massenvernichtungswaffen bis hin zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus. Die E3+3-Verhandlungen zur Lösung des Nuklearkonflikts mit dem Iran und die Beseitigung syrischer Chemiewaffen belegen, dass trotz aller Krisen eine Zusammenarbeit mit Russland bei wichtigen Themen gelingen kann.

Diese Beispiele zeigen übrigens auch, dass die internationale Ordnung positive Wirkung entfalten kann. Das setzt allerdings den Willen aller Beteiligten voraus, in Grundprinzipien dieser Ordnung immer eindeutig zu sein, an diesen Grundprinzipien festzuhalten und sich an der Umsetzung messen zu lassen. Dazu muss Russland auch in der Ukraine-Krise seinen Beitrag leisten. Militärisch ist diese Krise nicht zu lösen.

Deshalb gilt es jetzt mehr denn je, substantielle Schritte festzulegen, die dazu dienen, das Minsker Abkommen mit Leben zu füllen. Diesem Ziel dienen auch unsere Gespräche; auch die gegenwärtigen in Kiew und Moskau. Ich freue mich, dass Präsident Poroschenko an dieser Sicherheitskonferenz teilnimmt. Ich sage aber – auch nach den Gesprächen gestern in Moskau, die der französische Präsident und ich geführt haben: Es ist ungewiss, ob sie Erfolg haben. Aber es ist aus meiner Sicht und auch der Sicht des französischen Präsidenten auf jeden Fall wert, diesen Versuch zu wagen. Ich glaube, wir schulden es schon allein den betroffenen Menschen in der Ukraine.

Wer langfristig Sicherheit, Stabilität und das Wohlergehen seiner Bevölkerung sichern will, muss als Teil der internationalen Gemeinschaft die Regeln dieser internationalen Gemeinschaft akzeptieren. Wir in Europa werden uns gemeinsam mit

unseren Partnern immer für unsere Werte und die europäische Friedensordnung einsetzen.

Vor diesem Hintergrund sind auch die Beschlüsse des NATO-Gipfels in Wales im letzten Jahr zu sehen, mit denen die NATO den Grundstein für eine erhöhte Einsatzbereitschaft der Reaktionskräfte des Bündnisses gelegt hat. Wir rücken damit die kollektive Verteidigung wieder in den Fokus der Allianz, auch mit Blick auf die potentiellen Bedrohungen der sogenannten hybriden Kriegsführung.

Gerade unsere östlichen Partner zählen darauf. Ihre Sorgen um die Sicherheit sind unser aller Sorgen. Deshalb wird Deutschland gemeinsam mit den Niederlanden und Norwegen in den kommenden zwölf Monaten als Rahmennation für die im Aufbau befindliche schnell verlegbare NATO-Eingreiftruppe fungieren und substantiell zu ihrem Testlauf beitragen. Und im Verbund mit Dänemark und Polen werden wir das multinationale Hauptquartier in Stettin zu einer Drehscheibe für künftige regionale Kooperation und Bündnisverteidigung ausbauen. Damit übernehmen wir direkte Verantwortung für die Sicherheit unserer Bündnispartner und für die Sicherheit unserer Nachbarn in Ost- und Mitteleuropa.

Gerade weil die NATO eine Wertegemeinschaft ist, geht die Bedeutung von Artikel 5 über Absichtsbekundungen hinaus. Die Solidarität der Bündnispartner ist keine Nützlichkeitsabwägung, sondern sie gründet auf gemeinsamen Werten und auf gemeinsamen Überzeugungen. Und deshalb ist es für uns von zentraler Bedeutung, sie glaubwürdig auszugestalten.

Gleichzeitig müssen wir daran arbeiten, die Instrumente kooperativer Sicherheit in Europa wieder herzustellen und sie zu stärken. Hierbei kommt der OSZE eine besondere Rolle zu. Als ein Forum für Dialog und Vertrauensbildung in Europa hat die OSZE im letzten Jahr ihre Werte nachdrücklich unter Beweis gestellt. Um zur Vertrauensbildung und Kooperation zurückzukehren, wird es entscheidend darauf ankommen, dass sich alle Teilnehmerstaaten zu den OSZE-Prinzipien bekennen – und zwar in Wort und Tat.

Wir wollen das gemeinsame Verständnis für diese Prinzipien erneuern, die dafür stehen, dass Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa am Ende nur durch

Dialog, Kooperation und Vertrauensbildung möglich sind. Voraussetzung dafür – und das unterstreiche ich noch einmal in aller Deutlichkeit – ist, dass wir die Grundlagen unserer europäischen Nachkriegs- und Friedensordnung ohne jeden Abstrich erhalten beziehungsweise wieder herstellen. Sie lauten erstens: Die Grenzen Europas sind und bleiben unverrückbar. Und zweitens: Die Völker Europas sind und bleiben frei, ihre Zukunft selbst zu bestimmen. Um diese Sätze ist lange verhandelt worden im KSZE-Prozess.

Diese Überzeugung leitet uns, wenn wir uns dafür einsetzen, dass auch in den Staaten des Balkans Demokratie, Freiheit und Selbstbestimmung zu langfristiger Stabilität, Sicherheit und Wohlstand führen können. Protektionismus und Abschottung sind gescheiterte Rezepte der Vergangenheit. Sie passen nicht in unsere heutige, von Freihandelsabkommen geprägte Zeit.

Deshalb werden wir uns von deutscher Seite auch mit aller Entschiedenheit für den Abschluss eines Freihandelsabkommens mit den Vereinigten Staaten von Amerika einsetzen. Denn wir wollen nicht zusehen, wie der gesamte asiatische Raum ein Freihandelsabkommen nach dem anderen abschließt und Europa hierbei zurückfällt. Aber es wird ein hartes Stück Arbeit.

Die Haltung, dass Protektionismus und Abschottung Themen sind, die der Vergangenheit angehören, stellt die Europäische Union auch mit ihren transatlantischen Partnern z.B. durch die langfristig angelegten Kooperationsprojekte dar, die wir bei der Westbalkan-Konferenz auf den Weg gebracht haben, oder auch durch die substanzielle Unterstützung der ukrainischen Bevölkerung.

Auch wir sind sehr daran interessiert, dem langfristigen Ziel eines gemeinsamen Wirtschaftsraums von Wladiwostok über Lissabon bis Vancouver näher zu kommen. Ich unterstütze dazu notwendige Gespräche auch zwischen der EU-Kommission und der Eurasischen Union. Aber ich ergänze: Voraussetzung für solche Gespräche und erst recht für den Erfolg ist natürlich die Überwindung der Ukraine-Krise auf der Grundlage des internationalen Rechts.

Meine Damen und Herren, auch die südliche Nachbarschaft Europas macht uns große Sorge. Sie ist von Umbrüchen, Fragilität und Staatszerfall gekennzeichnet.

Allein der Bürgerkrieg in Syrien hat in den letzten vier Jahren mehr als 220.000 Todesopfer gefordert. Unzählige Zivilisten, Frauen und Kinder sind Opfer der Gewalt geworden. Millionen Menschen sind auf der Flucht. Den Nachbarländern – dem Libanon, der Türkei und Jordanien – schuldet die internationale Staatengemeinschaft großen Dank. Denn sie gehen mit der Aufnahme der Flüchtlinge bis über die Grenzen ihrer Leistungsfähigkeit hinaus. Alle unsere Hilfestellungen sind angesichts des Leids der Bevölkerung natürlich wirklich bestenfalls Hilfestellungen. Es ist eine riesige Herausforderung.

Die Implosion der staatlichen Ordnung in Syrien hat gravierende Auswirkungen auf die Region. Die Terrorgruppe IS bedroht die Stabilität Syriens, des Irak und der ganzen Region. IS verfolgt und ermordet alle Menschen, die sich seinem Herrschaftswillen nicht unterwerfen, und agiert dabei grenzüberschreitend.

Ähnliches müssen wir derzeit in Westafrika beobachten. Die Terrorgruppe Boko Haram nutzt die Schwäche staatlicher Strukturen aus, profitiert von der tatsächlichen oder vermeintlichen Benachteiligung breiter Bevölkerungsschichten und tyrannisiert unschuldige Menschen über die Landesgrenzen Nigerias hinweg mit barbarischem Terror. Die internationale Staatengemeinschaft, zahlreiche arabische und muslimische Staaten eingeschlossen – das ist eine gute, positive Botschaft im Sinne der internationalen Ordnung –, stellt sich diesem Morden entschlossen entgegen.

Es ist sowohl ein Gebot der Menschlichkeit als auch in unserem ureigenen deutschen Interesse, hierzu einen substanziellen Beitrag zu leisten. Deshalb hat der Deutsche Bundestag vor einer Woche einer Ausbildungsmission der Bundeswehr für den Nordirak zugestimmt. Gemeinsam mit einer Reihe internationaler Partner – den USA, Italien, den Niederlanden und vielen anderen – wollen wir die irakischen und kurdischen Sicherheitskräfte dabei unterstützen, den Terror des IS abzuwehren.

Wir haben uns auch dazu bereiterklärt, afrikanischen Staaten in ihrem Kampf gegen Boko Haram beizustehen. Wir tun dies – wie übrigens auch in Mali – in der Überzeugung, dass sicherheitspolitische Bedrohungen unseres Landes nicht erst an unseren Grenzen beginnen. Staatenzerfall, Armut, Terrorismus und Epidemien

mögen weit vor unseren Toren ihren Ursprung haben. Es wäre aber ein Irrglaube, dass sie ohne Auswirkungen auf Europa und unser Land bleiben könnten.

Wie unmittelbar uns der internationale Terrorismus bedroht, das haben nicht zuletzt die Terroranschläge auf Journalisten der Satirezeitschrift Charlie Hebdo, auf Polizisten und auf Kunden eines koscheren Supermarkts in Paris vor wenigen Wochen gezeigt.

Die Antwort der internationalen Staatengemeinschaft ist, den islamistischen Terror weiter entschlossen zu bekämpfen. Deshalb nutzt Deutschland beispielsweise auch die gegenwärtige deutsche G7-Präsidentschaft dazu, weiterhin intensiv daran zu arbeiten, den Strom an Finanzen und Kämpfern für den internationalen Terrorismus nachhaltig einzudämmen.

Auch innerstaatlich ergreifen wir wichtige Maßnahmen, um z.B. die Ausreise von Kampfwilligen aus Deutschland zu unterbinden und terroristische Gruppierungen strafrechtlich zu verfolgen. So wird sich künftig strafbar machen, wer Deutschland verlassen will, um sich an schweren staatsgefährdenden Gewalttaten im Ausland zu beteiligen oder hierfür ausbilden zu lassen. Im Januar hat die Bundesregierung einen Gesetzentwurf beschlossen, mit dem Dschihadisten künftig der Personalausweis entzogen werden kann, um ihre Ausreise zu verhindern. Außerdem werden wir einen neuen eigenen Tatbestand der Terrorismusfinanzierung einführen.

Wir stehen in diesem Kampf Seite an Seite mit der ganz überragenden Mehrheit der Muslime Europas, die nichts gemeinsam haben mit Terrorismus. Gerade in Deutschland haben die islamischen Gemeinden und Verbände klar und deutlich ihre Stimme erhoben gegen den Missbrauch ihrer Religion für Hass und Gewalt.

Meine Damen und Herren, die Anschläge in Paris, die grenzüberschreitende Ebola-Epidemie, die Flüchtlingskrisen im Mittelmeer – sie lassen uns spüren, wie sehr außen- und sicherheitspolitische Fragen auf die innere Verfasstheit unserer Gesellschaften zurückwirken. Die Krisen in Westafrika, im Maghreb, am Horn von Afrika, im Jemen und andernorts zeigen, wie sehr die Entwicklung ganzer Regionen davon abhängt, ob wir und wie wir grundlegende Sicherheit gewährleisten können.

Menschen brauchen Sicherheit, um sich entfalten zu können. Staaten brauchen Sicherheit, um Entwicklung und Wohlstand zu fördern. Regionen brauchen Sicherheit, um gemeinsame Ordnungsstrukturen aufzubauen.

Umgekehrt gilt, dass viele dieser Krisen ihre Ursache in der desolaten inneren Verfasstheit einzelner Länder und Regionen haben. Regionale Konflikte, innerstaatliche Verteilungskämpfe, mangelnde Inklusivität politischer Prozesse, mangelhafte Bildungssysteme, unzureichende Gesundheitsvorsorge – all diese Aspekte beeinträchtigen die langfristige Stabilisierung, die reale oder gefühlte Legitimität von Regierungen und damit letztlich auch die Durchsetzung staatlicher Ordnung.

Die Bundesregierung ist daher überzeugt, dass wir auch in unserem Sicherheitsinteresse einen umfassenden Ansatz verfolgen müssen, um fragile Staaten und Regionen zu stabilisieren. Wir müssen helfen, funktionierende staatliche Strukturen zu festigen. Ein Aspekt ist die Funktionsfähigkeit der jeweiligen Sicherheitsinstitutionen. Auch sie müssen wir in unsere Bemühungen einschließen. Entwicklung und Sicherheit müssen Hand in Hand gehen.

Uns ist dabei die Ausbildung der Sicherheitskräfte sehr wichtig. Gleichzeitig müssen wir uns darum kümmern, dass diese Kräfte in materieller Hinsicht ausreichend ausgestattet sind, um ihrem Auftrag – und dazu zähle ich auch immer die Wahrung der Menschenrechte – wirklich gerecht werden zu können. Ich halte es für unverändert wichtig, dass wir die Ziele der Ausstattung und Ertüchtigung und einer entsprechenden Finanzierung konsequent weiterverfolgen. Der kommende Europäische Rat zur Gemeinsamen Sicherheits- und Verteidigungspolitik im Juni wird uns dazu erneut Gelegenheit geben.

Für diese Ziele hat sich die internationale Gemeinschaft im vergangenen Jahrzehnt auch in Afghanistan intensiv und umfassend engagiert. Gemeinsam mit den Afghanen haben wir dort durchaus einiges erreicht. Wir haben ein Schul- und Gesundheitssystem geschaffen und die afghanische Armee und Polizei aufgebaut. Die Lebensqualität der Afghaninnen und Afghanen hat sich im Vergleich zu 2001 verbessert. Die Wirtschaftslage hat sich über die Jahre ordentlich entwickelt. Eine

rege Zivilgesellschaft ist ebenso entstanden wie eine breite Medienlandschaft. Wir haben vor allem unser wichtigstes Ziel erreicht: Von Afghanistan geht heute keine internationale terroristische Bedrohung mehr aus.

Dennoch übersehen wir nicht, dass die alltägliche Sicherheitslage für die Menschen in Afghanistan alles andere als befriedigend ist. Auch sind Korruption und Drogenwirtschaft nicht ausreichend eingedämmt. Und ein echter Versöhnungsprozess steht weiter aus. Deshalb müssen wir jetzt alles daransetzen, das Erreichte zu erhalten und weiterzuentwickeln.

Dafür brauchen wir ein vernünftiges Maß an Realismus, fortdauerndes Engagement und strategische Geduld. Das alles ist eher eine Generationenaufgabe als eine Aufgabe weniger Jahre. Der afghanische Sicherheitssektor wird auch über 2016 hinaus substanzielle internationale Unterstützung benötigen und nicht nur finanzielle. Die Rahmenbedingungen hierfür werden wir in den kommenden Monaten gemeinsam mit unseren internationalen Partnern und mit der afghanischen Regierung schaffen.

Meine Damen und Herren, unsere heutige internationale Ordnung beruht auf der bitteren Erfahrung zweier Weltkriege. Sie bezieht ihre Kraft aus den Grundprinzipien des Rechts und der Freiheit und unserer Entschlossenheit, für diese Werte einzutreten und sie zu verteidigen. Sie ist das Fundament dafür, dass wir zumindest in Europa weitestgehend in Frieden und Stabilität leben.

In anderen Regionen sind die Aufgaben, vor denen wir stehen, immens. Gemessen daran, dass sich 1948 die allermeisten Länder der Menschenrechts-Charta der Vereinten Nationen angeschlossen haben und sich ihr verpflichtet haben, ist es mit der Einhaltung und Umsetzung dieser Prinzipien noch weit her. Das heißt, wir haben viel zu tun. Unsere internationale Ordnung ist seitdem nie starr gewesen. Sie ist es auch heute nicht. Sie wurde und sie wird stets weiterentwickelt – nicht durch ihre Missachtung, sondern durch intensives Engagement, durch gemeinsamen Dialog. Deutschland steht hierzu bereit. Herzlichen Dank.

